

По стилю своему рассказ «Скрытая теплота» примечателен и любимому жанру писателя — «рассказы истин».

Я посмотрел, и мне показалось то же самое.

Я не умею изложить на словах: в чем именно состоит это выражение, но для наблюдательного глаза оно так же четко, как известные «типикаторные» черты у болящих, когда болезнь их принимает решительный оборот и смерти.

Я видел молодую даму, которая вышла из комнаты, где говорила с нами, и сейчас же зарезалась; видел художника, который отлучился на минуту и удавился; видел молодого ли-

ца, в заведении после дохорон сестры, ему объявили, что он уже «исключен».

Как милость ему было дозволено искать места и походить несколько дней в казенном спортуке и в холодном пальто.

III

Беляеву это показалось невероятным. Центральное управление и не желало и не требовало такой неразборчивости. В представившемся случае Александр Николаевич чувствовал пересол или, как он выразился, — «пересурские», но Молчанов уверил нас, что это уже так решено и что более той «милости», которая мальчику оказана, ничего для него выпросить нельзя.

— Попробуйте еще раз! — сказал Беляев.

— Нельзя, я уже все пробовал: я ездил и просил, и все напрасно: надо оставить.

— А по-моему, прежде чем решиться оставить человека, надо всегда еще раз попробовать его не оставить. Мне вот только мешает мороз да мое удушье, а то я бы сейчас съездил к своему бывшему товарищу, директору N. N., и попросил бы его принять этого преступника и дать ему доучиться.

N. N. крикнул и иногда напрыгнул, но он не трус и мужик с скрытой теплотой в сердце.

— Мне все равно... — Так согласитесь подождать один день — может быть, вас примут еще в какую-нибудь другую гимназию и вы окончите курс и поступите в академию.

— Это невозможно... меня никто не примет.

— Ну, хорошо, говорю, но отложите свое решение на один сутки и приведите эти сутки у меня. Больше я вас ни от чего удерживать и отговаривать не буду.

Он согласился. Я сказал, что имею экстренное дело и сейчас же увез пропащего мальчика к себе. M. M. Молчанов принял на себя обязательство съездить в ту гимназию, где был учинен «взлом» и «подлог», и упрямить начальство дать нам еще два дня срока, а я сдал преступника в одно дружественное мне семейство и отправился к тому директору, у которого Беляев предполагал «скрытую теплоту в сердце».

А третье лицо, кандидат здешнего университета Виктор Петрович Протейкинский* сейчас же пошел в ход, чтобы успокоить семейство и найти между нашими знакомыми средства, на которые можно было бы одеть нашего молодца, взвесь за него плату за ученье и вообще поддержать его всем, чем надо.

Все мы трое распорядились так, как будто мы уже выиграли дело, — как будто нашего пропащего мальчишка с снятою головою «скрытая теплота» уже пригрела и приняла, тогда как это, по господствовавшему тогда настроению лиц, не верно понимавших дух инструкции центрального управления, — было совершенно невозможно.

V

Меж тем короткий зимний день стемнел...

Я приехал к указанному Беляевым директору уже при огнях, и застал, что он сидит перед столом в коридоре за пирами, а в квартире у него шли какие-то приготовления к чему-то необыкновенному.

«Попа, думаю, не совсем вовремя». Директор крикнул и извинился: — У меня, говорю, готовится не только общий, но еще и особый свой семейный праздник — дети непременно хотят мне устроить что-то радостное сюрпризом. Я сдаюсь — и укрываюсь.

— Вот и прекрасно! — говорю, — а я вам к вашему двойному празднику привез еще субуциу.

— Какую?

— Такую, что кто вас любит, тем вы можете дать возможность полюбить вас еще более — субуциею.

— Что же такое случилось?

Я ему рассказал все, что случилось, и не утаил, разумеется, ни про взлом, ни про воровство, ни про подлог и про побег со сносом вещей.

Директор покраснел, а потом расхохотался.

— Стыдно, говорю, даже слушать; эти люди совсем не понимают, чего от них требуют!

— Да, но нам бог с ними, совсем — мы не для чьей бы то ни было критики, а чтобы только спасти как-нибудь этого человечка.

— Гм!.. да!.. Конечно... «человечка» спасти всегда хорошо, но этакого, который так красиво обставлен, — как вы теперь спасете?

— Мы хотим, чтобы его кто-нибудь принял доучиться, — он выйдет врачом и будет кормить семейство.

— Да кто же вам его теперь с таким кондуктом примет?

— Мы думаем, что это сделаете вы.

— Кто?.. Я?

— Да! — А вы знаете, какие это может иметь для всех нас последствия? — Конечно, знаем.

— Знаете! Да, ну, так вы тоже не забывайте, что у меня есть и свои дети!

— Понимаю-с, понимаю... Это ужасно!

— Только представьте себе это!.. Ведь ваши дети... они вон радуются... они прыгают... а они над этим, я думаю, разрыдались бы!

Он задумался и пожал плечами, а потом говорит:

— А как что-нибудь случится? — А как если ничего не случится?.. На христов страх! Примите!

— А знаете, что я вам скажу... — Догодавайтесь! — вы скажете: «Давайте его сюда — я его принимаю».

Директор покраснел весь с ушами и вскрикнул:

— Да! Вы отгадали: будь что будет, а я его принимаю!

Мы друг друга обняли.

— Пришлите его завтра утром ко мне, — продолжал директор, — и если он по успехам хорош, а его преступления мотивируются именно только тем, о чем вы рассказали, — я его принимаю.

— На этот счет, говорю, будьте уверены: все отметки у него превосходные, а проступки его, как я сказал, заключаются только в воровстве со взломом, в подлоге и в побеге со сносом не принадлежащих ему вещей.

— Ну!.. Ну!.. Ну!.. Не повторяйте. Я ведь в самом деле имею своих детей. Только позаботьтесь его одеть, взвесь за него плату и содержите его на первое время... А потом я и это устрою.

VI

И все это так и сделалось — M. M. Молчанов доставил о пропащем мальчишке справки и деньги для взноса за его ученье; директор его принял; другие собрали ему складчину на платье, на книги и содержание; парень оказался хорошим учеником и вскоре же получил по рекомендации директора репетитория в хорошем доме, и «чуртара воли к жизни» в нем прошла, взор его оживился, и снятая голова на тычинке окрепла на своих плечах и пошла колтыкать по свету.

А в то время, когда я его привез к себе, — у него в кармане в самом деле было письмо без адреса, начинавшееся словами: «Прошу никого не винить» и т. д.

В свое время он окончил курс, поступил в академию, получил докторский диплом, служит нынче людям, кормит своих стариков и воспитал своих братишек. Из пропащего мальчишка вышел полезный человек.

Если бы мы не попробовали помочь ему еще раз после того, когда убедился, что помогать ему уже невозможно, то не добился бы «скрытой теплоты» и с человеком, вероятно, был бы совсем не такой конец, который радостно и вспомнить и рассказать в день рождения христово.

Публикация К. П. БОГАЕВСКОЙ

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

ПОИСКИ И НАХОДКИ

ДВЕ АНКЕТЫ ЛЕСКОВА

ДО РЕВОЛЮЦИОННЫЕ газетные издатели часто устраивали различного рода опросы. Вопросы анкет рассылались известным литераторам.

Не раз проводились подобные опросы и «Петербургской газетой», издателем которой был С. Н. Худков. Так, в пятом ее номере, вышедшем 6 января 1891 года, был напечатан ответ Николая Семеновича Лескова. Отвечая на анкету «Печать, женщина, вино и карты», он писал:

«Газета сделалась в наше время необходимою. Газета полезна, если она составляется при посредстве людей сведущих и даровитых, и притом руководима человеком ясным и независимого ума, уважающего справедливость и доброту. Газеты, издаваемые при других условиях, — опасны и вредны, так как они очень часто и очень легко делаются орудием невежества и злоизма.

Женщины очень необыкновенны. Есть женщины, одаренные большим совершенством ума, воли и характера. Таким женщинам должно принадлежать всеобщее уважение: они «сотрут главу змеи». О тех же, которые не могут внушать уважения, должно судить с большего снисходительностью, чем о мужчинах, так как положение женщин в обществе во всех отношениях тяжелее мужского.

Вино само по себе безвредно. Кто умеет его пить без вреда своему разуму и здоровью, тот, мне кажется, может от него и не отказываться.

Весь вред заключается в неумеренности.

Курение — очень дурная привычка, от которой всегда хорошо отвыкнуть. Курящих не только вредит себе, но он вредит другим, отравляя дымом воздух, нужный для дыхания.

Игра в карты — занятие постыдное. Игра в шахматы очень трудна и потому она мне не приносит удовольствия.

В конце следующего 1892 года (а же худковская «Петербургская газета» разослала писателям, артистам, композиторам и художникам очередную свою анкету. Получил такую анкету и Лесков, но его ответа на эту анкету не получили гласности. И причиной этому, быть может, явилось то, что любимым композитором Николая Семеновича был автор знаменитой револуционной «Марсельезы» Клод Жозеф Руже де Лиль.

В архиве Н. С. Лескова сохранился черновик его ответа на анкету худковской газеты. Приводим его в сопоставлении с ответами замечательного русского художника Ивана Ивановича Шишкина, опубликованными в номере от 24 января 1893 года:

Table with 3 columns: Question, Шишкин, Лесков. Contains 19 numbered questions and answers from both authors.

Ответы Лескова были необычны. И прежде всего необычны его верой в человека — любой человек имеет недостатки, но он должен стремиться к тому, чтоб «исправить себя к лучшему».

Его любимыми писателями были те, кто пробуждал добрые чувства. И сам он, в первую очередь, был именно таким писателем, воспевающим красоту русского народа, из среды которого вышли его Левша и Иван Северьянович Флягин, дьякон Ахилла и бессмертный Голован, Селиван

из «Пугала» и проповедь Губерозов. Таких людей не было в русской литературе до Лескова, и надо было обладать «островидением», чтобы во мраке царской России увидеть таких людей.

Отвечая на вопросы газетных анкет, Николай Семенович Лесков поведал нам о своих идеалах, о которых он в конце жизни мог с полным правом сказать: «Идеалы мои всегда были чисты».

Юрий ЮШКИН

Николай ЛЕСКОВ

СКРЫТАЯ ТЕПЛОТА БЫЛ БЕЗ ВЫМЫСЛА

«Скрытая теплота не поддается измерению». Из физики

Пятнадцать лет тому назад об рождении в Петербурге стояли суровые холода. Я тогда был членом в одном ученом учреждении. Сам я в науках далеко не зашел, но зато в числе моих товарищей по службе были люди высокопробной учености, и привычка их знаний благополучно восполняла мою худость и недостаток.

Перед комитетом, служившей для наших собраний, находилась большая зала, где временами ожидали просители, до которых нам, собственно, не было никакого дела.

По писательской испорченности я, впрочем, любил иногда наблюдать, что такое среди них содевает?

Раз в одно холодное утро, когда мы сошлись в своем месте, внимание мое остановил на себе белокурый мальчик, стоявший в приемной. Ему на вид было лет восемнадцать — он имел длинное, вытянутое лицо серого цвета, дрожащие губы и совершенно потухший, мутный и рассеянный взгляд, без «воли к жизни».

Странен и жалок он показался и другим.

К нему подошел один из моих товарищей, Мефодий Мионович Молчанов, поговорил с ним и отошел, сильно взволнованный и расстроенный.

Я в это время стоял в амбразуре окна с уважаемым моим приятелем, теперь уже умершим, математиком Алекс. Ник. Беляевым, который ранее служил директором гимназии и всегда был любим хорошими людьми за его прекрасную доброту и честность.

M. M. Молчанов сказал нам с Беляевым:

— Перед вами, господа, ужасный случай: этот мальчик, которого вы видите — пропащий мальчик. Он страшный бедняк и находится в безотрадном положении. Ему оставалось всего полтора года до окончания гимназического курса, а его вступили исключили. Теперь он просится в сельские учителя, а у него отец слепой чиновник, мать старуха и двое братишек. Я их знаю. Отец служит в Сенате тридцать лет и получает тридцать рублей жалованья в месяц. Над перепишкой он ослеп. Этот мальчик хорошо учился и хотел быть медиком, теперь же он останется на целый век сельским учителем с ничтожным содержанием, на которое семья кормить нельзя.

Беляев поглядел внимательно на стоющего посетителя и проговорил:

— Да он и учителем-то, наверное, не будет!

— Отчего?

— У него выражение самоубийцы: он — я думаю — сегодня же утопится или удавится.

* Мефодий Мионович Молчанов жив и находится на службе в другом ведомстве в Петербурге.

ценста, который себя задушил хлороформом, — и у всех у них было неопределимое выражение. По Шопенгауэру — это должно быть «потери воли к жизни», а по вашему просторечию тут что-то «сплохития» и «лохития», да снятая голова на тычинке не к своим плечам прикинутая».

II

Мы с Беляевым пожелали узнать: за что исключен этот пропащий мальчик с снятою головою на тычинке, а M. M. Молчанов сказал нам:

— То, что он сделал, называется очень страшно: это называется, «воровство со взломом, побег и подлог», но недаром в Писании сказано, что «многие слова путают смысл смертного». Пожалуйста, по этим словам ничего не заключайте: в сущности, все дело в том, что мальчик воспитывался в одной из недалеких иногородних гимназий на счет одной особы; в семье у него, кроме лиц, о которых я сказал, была еще взрослая сестра, девушка, которая своими трудами и поддерживала все семейство. Брат горячо любил ее. Девушка в эти холода простудилась и смертельно заболела. Умирая, она пожелала проститься с братом. Ему дали знать. Он стал проситься, но его не пустили, так как шли учебные дни. Он дождался ночи, взял перочинным ножиком кондуктор инспектора, украл отсюда отпусной бланк, подделал подложную подпись и убежал в Петербург, чтобы увидеть сестру. Сестра умерла, ее не на что было хоронить... Мальчик все это время не решался покинуть родителей, а когда он позавчера возвра-

— Да, но вы забываете, что ведь дело так рогато поставлено, что и не трус побойтся... Да и просить совестно... — За другого-то человека просить совестно! Что за вздор! Ведь вы, надеюсь, не принадлежите к числу тех, которые «дали себе слово ни за кого не просить?» — Боже сохрани, но я уже многих самых теплых просил и ни у одного ничего не выпросил.

— Ну, так что же? А теперь попробуйте еще раз скрыть теплоты, подделывая. Когда дело идет о том, чтобы помочь себе, тогда можно попробовать, и после первой неудачи оставить; но когда другой человек погибает, тогда надо продолжать пробовать, спасти его по тех пор, пока все будет испробовано, и когда уже исчезнет всякая надежда, тогда после этого нужно еще раз попробовать. Только советуя вам, господа, делать все это скоро... и прежде всего это же минуту убрать отсюда самого этого молодца с его кондуктом о взломе и подлоге, чтобы он здесь не торчал и своего прошения в сельские учителя не подавал.

Нам с Мефодием Мионовичем показалось, что в самом деле можно «еще раз попробовать».

IV

Я подошел к молодому человеку и взял у него из рук его бумагу. Он отдал ее мне совершенно автоматически. Что-то он хотел было выговорить, но губы его только беззвучно зашевелились, зашлепали и стали.

— Вы ведь не желали бы быть сельским учителем? — спросил я.

Книжная графика

Из иллюстраций художника А. ТЮРИНА к сказу Н. Лескова «Левша».

